

К ГОРНОМУ ДЯДЕ

От живописно расположенного старинного городка Майенфельд тропа бежит через зеленую лесистую равнину к подножию гор, что сурово и величественно смотрят вниз, на долину. Затем тропа круто забирает вверх, и вот уже вскоре на вас веет ароматами вересковой пустоши и горных трав, ибо тропа ведет в Альпы.

По узкой горной тропе солнечным июньским утром шла высокая крепкая девушка и вела за руку ребенка, девочку, чьи щеки так пылали, что румянец проступал даже сквозь дотемна загорелую кожу. Да и неудивительно, поскольку девочка, несмотря на жаркое июньское солнце, была так тепло укутана, словно ей предстояло идти по невесть какому холоду. Девочке было от силы лет пять, однако за всеми одежками разглядеть ее не было возможности. На нее надели два, а то и три платья, одно поверх другого, а сверху она еще повязали большим бумазейным платком. Обута она была в тяжелые горные ботинки на гвоздях. Девочка мучалась от жары и с трудом шла в гору. После часа пути они добрались до небольшой деревни, что лежит на полдороге и зовется

просто «Деревенькой». Тут наших путниц стали зазывать чуть ли не в каждый дом, им кричали и махали из окон и дверей, потому что это была родная деревня девушки. Но она никуда не сворачивала, на ходу отвечала на все приветствия и вопросы, не останавливаясь даже на минутку, покуда не добралась до последнего из разбросанных на краю деревни домишек. Здесь ее тоже окликнули:

— Постой-ка минутку, Дета! Если ты наверх идешь, я с тобой!

Девушка остановилась. Малютка тотчас же отпустила ее руку и села прямо на землю.

— Ты устала, Хайди? — спросила девушка.

— Нет, мне просто жарко, — отвечала девочка.

— Да нам уж немного осталось идти, потерпи маленько и старайся шагать пошире, тогда уже через час мы будем на месте, — подбодрила ее девушка.

Из дверей домика вышла дебелая, добродушного вида женщина. Девочке пришлось подняться. Две старые знакомки пошли впереди, завязав оживленный разговор о деревенских новостях.

— А куда ж это ты ведешь ребенка, Дета? — немного погодя спросила женщина. — Это часом не дочка твоей покойной сестры?

— Она самая, — отвечала Дета. — Я иду с ней к Горному Дяде. Хочу ее там оставить.

— Что? Оставить ребенка у Горного Дяди? Да ты в своем ли уме, Дета? Как ты можешь? Старик ее ни за что не примет, сразу вас назад отправит!

— Да как это он нас отправит, когда он ей самый что ни на есть родной дед? Он обязан позаботиться о ней. Пока что я держала девочку у себя, но теперь не хочу из-за нее лишаться хоро-

шего места, которое мне посулили. Так что, Барбель, пускай теперь ее дедушка обихаживает.

— Да будь это кто другой, тогда конечно, — кивнула толстая Барбель, — но ты же его знаешь. Что он станет делать с ребенком, да еще с таким маленьким? Ничего не выйдет. А ты куда это собралась?

— Во Франкфурт, — сказала Дета, — там мне обещали и впрямь хорошее место. Прошлым летом эти господа были тут на водах, и я у них прибиралась. Они уж тогда хотели взять меня с собой, но я отказалась. А теперь они снова тут и настаивают, чтобы я с ними уехала, и я очень даже этого хочу, сама понимаешь!

— Ох, не приведи Господь оказаться на месте этой девчушки! — воскликнула Барбель и даже руками от ужаса замахала. — Одному Богу известно, как ей будет с этим стариком! Он же ни с кем не желает дела иметь, уж сколько лет в церковь ни ногой, а когда раз в год спускается вниз со своей толстенной палкой, так все от него шарахаются, такой он страх наводит! Эти его косматые брови и бородача жуткая, ну чистый индеец или язычник! Просто ужас берет, как встретишь его один на один!

— Ну и что с того! — упрямо отвечала Дета. — Он ей дед и должен позаботиться о внучке. Да и ничего он ей не сделает, потому как ежели что, то спрос будет с него, а не с меня.

— Ох, хотела бы я знать, — с любопытством спросила Барбель, — что же такое у старика на совести, если у него такие глаза и он один-одинешенек живет на горе, так что люди его почти не видят? О нем всякое болтают, а ты ведь от своей сестры наверняка что-нибудь про него слыхала, а, Дета?

— Слышать-то слыхала, да только ничего не скажу, а то, ежели он узнает, мне несдобровать.

Но Барбель давно уже хотелось выяснить, что там такое с этим Горным Дядей, почему он такой нелюдимый, почему живет один в горах и почему люди всегда говорят о нем как-то вскользь, словно опасаются хоть слово сказать против него, но и за него тоже замолвить словечко никто не хочет. К тому же Барбель не знала, отчего все зовут его Горным Дядей, ведь не приходится же он дядей всем и каждому? Но поскольку все его так звали, звала его так и Барбель. Она не очень давно поселилась в Деревеньке, лишь когда вышла замуж, а прежде жила в Преттигау, вот и не знала еще всех секретов и особенностей жителей Деревеньки и ее окрестностей. Дета, ее добрая знакомая, наоборот, родилась в Деревеньке и жила там всю жизнь вместе с матерью. Когда же ее мать умерла, Дета перебралась в курортный городок Бад Рагатц, где ей посчастливилось найти хорошую работу. Она служила горничной в большой гостинице и прилично зарабатывала. Вот и сегодня она пришла из Рагатца. До Майенфельда они с девочкой доехали на возу с сеном, их подвез один ее знакомый. И Барбель, не желая упустить такой счастливой возможности хоть что-то выведать, взяла Дету под руку и сказала:

— Мне ужас как интересно, что здесь правда, а что брехня. Ты ведь наверняка знаешь эту историю. Ну, скажи мне, старик, он всегда был такой страшный и люто всех ненавидел?

— Всегда ли он такой был, я не знаю, сама понимаешь, мне сейчас двадцать шесть, а ему, поди, уж все семьдесят. Так что молодым я его не застала. Эх, Барбель, знать бы, что все, что

я тебе скажу, не пойдет гулять по всему Преттигау, уж я бы тебе о нем порассказала! Моя мама ведь тоже была родом из Домлешга, откуда и он.

— Ах, Дета, что ты такое говоришь! — обиделась Барбель. — Я вовсе не собираюсь что-то болтать в Преттигау, и вообще, я умею хранить секреты, если нужно. Как тебе не совестно! Давай рассказывай!

— Ладно, так и быть, расскажу, только смотри, держи язык за зубами! — предупредила ее Дета. И она оглянулась проверить, не слишком ли близко за ними идет девочка. Не стоит ей слышать то, что она собирается рассказать. Но девочки и вовсе не было видно, она сильно отстала, а они в пылу беседы этого даже не заметили. Дета остановилась и начала озираться. И хотя дорога то и дело петляла, отсюда можно было видеть ее почти всю, до самой Деревеньки. Но на дороге никого не было.

— Вижу! Я ее вижу! — воскликнула Барбель. — Вон там, смотри! — Она указывала куда-то вниз. — Глянь-ка, она карабкается в гору вместе с Козьим Петером и его козами! Что это он нынче как припозднился! Но это хорошо, он умеет смотреть за детьми, так что можешь спокойно мне все рассказать.

— Смотреть за ней Петеру труда не составит, — заметила Дета, — для своих пяти лет она очень даже смышленная. Откроет глазищи и все смотрит, где чего происходит. Ничего, пускай освоится с козами, у старика ведь, кроме двух коз, и нет ничего.

— А раньше у него, поди, больше было? — полюбопытствовала Барбель.

— У него-то? Да уж, раньше у него чего только не было, — с жаром подхватила Дета. — У него был один из лучших дворов в Домлешге. Он был старший сын, имел еще младшего брата. Тот был парень тихий, порядочный. А старший ничего не желал делать, только строил из себя хозяина, разъезжал повсюду, путался со всякими темными людишками, которых никто и знать не знал. Все свое хозяйство он прокутил да проиграл, а как это выяснилось, отец с матерью с горя и померли. Брат, которого он тоже вконец разорил, ушел куда глаза глядят, и никто его больше с тех пор не видел. Да и сам Дядя, у которого ничего, кроме худой славы, не осталось, тоже куда-то сгинул. Сперва никто не знал, где он, потом прослышали, что он подался в Неаполь, на военную службу, а потом опять лет двенадцать, а то и пятнадцать о нем не было ни слуху ни духу. И вдруг, в один прекрасный день, он появился в Домлешге с сынишкой-подростком и хотел устроиться у родственников. Но перед ним все двери закрылись, никто его и знать не желал. Это очень его огорчило, и больше он в Домлешг носа уже не казал, а пришел в Деревеньку и поселился тут со своим мальчонкой. Жена его, которую он встретил там, внизу, и вскоре потерял, была родом из Граубюндена. У него еще водились кое-какие деньжата, и он отдал своего парнишку, его Тобиасом звали, обучаться ремеслу. Тот выучился на плотника и стал очень даже приличным человеком, которого все в Деревеньке любили. Но вот старику никто не доверял, поговаривали, что он из Неаполя дезертировал, а иначе бы ему плохо пришлось, кого-то он там, говорили, убил, не на войне, сама понимаешь, а в драке. Мы-то, нику-

да не денешься, признавали это родство, ведь бабушка моей матери и его бабушка были родными сестрами. Вот мы и стали звать его дядей, а поскольку по отцу мы в родстве почти что со всей Деревенькой, то его все стали звать дядей. А уж как он ушел жить в горы, так стал зваться Горным Дядей.

— А что же вышло с этим Тобиасом? — взволнованно спросила Барбель.

— Погоди, куда ты так торопишься, не все сразу, — заметила Дета. — Ну и вот, Тобиаса отдали в учение в Меле, а когда он выучился, то вернулся в Деревеньку и взял в жены мою сестрицу Адельхайду, потому как они всегда друг дружке любви были, и когда поженились, очень ладно жили. Но только недолго это длилось. Уже через два года, когда Тобиас работал на постройке дома, на него свалилась балка и пришибла его насмерть. А как его, убитого, принесли домой, Адельхайда сразу от горя и ужаса впала в горячку, да так от нее и не отошла. Она и вообще-то не отличалась здоровьем, бывало, и сама не поймет, во сне что-то с нею было или наяву. А тут мало-мало месяц прошел со смерти Тобиаса, а мы уж и Адельхайду схоронили. Люди и так уж судили да рядили о горькой судьбе обоих, а тут стали поговаривать, сперва тихо, а потом и громко, что это, мол, кара дяде за его безбожную жизнь. Ему это даже в глаза говорили, и пастор все взывал к его совести, уговаривал покаяться, но он только еще угрюмее да строптивее становился и вообще уже ни с кем не разговаривал. Ну и люди тоже его сторонились. И вдруг стало известно, что дядя ушел в горы и не желает спускаться. Вот с тех пор он там и живет, в разладе с Богом и с людьми.

А ребеночка Адельхайды мы с мамой взяли к себе, девочке тогда только годик исполнился. Но прошлым летом моя мама померла и мне пришлось поехать в Бад Рагатц на заработки, а девочку я на лето отдала старой Урсель в Пфедерсердорфе. Конечно, я могла бы и на зиму остаться в Рагатце, там всегда найдется работа, я ведь и шить, и штопать мастерица, да из-за девчонки не вышло. А весной опять приехали господа из Франкфурта, те самые, у кого я в прошлом году работала, и они опять позвали меня с собой. Так что послезавтра мы уезжаем. Место, доложу я тебе, очень даже хорошее.

— А ребеночка ты, значит, хочешь этому старикану оставить? И что ты себе думаешь, Дета? Разве ж такое возможно, разве ж это по-божески? — укоризненно проговорила Барбель.

— А ты что себе думаешь? — вскинулась Дета. — Я свое для этой девчонки уже сделала, да и куда мне с ней деваться-то? Разве ж могу я взять с собой во Франкфурт ребенка, которому еще и пяти годков нет? А кстати, ты куда это идешь, Барбель? Мы ведь уж полдороги протопали!

— А я как раз и пришла, куда мне надобно, — отвечала Барбель. — Мне с Козьей Петершей поговорить охота. Она зимой мне прядет. Ну, будь здорова, Дета, счастливо тебе!

Дета протянула руку приятельнице и подождала, покуда та войдет в маленький, темно-коричневый домик, стоявший в небольшой впадинке в нескольких шагах от тропы, где он был надежно защищен от горных ветров. Если считать от Деревеньки, хижина эта находилась на полпути к альпийским пастбищам, и прямо счастье, что стояла она во впадинке, ибо это была

такая ветхая развалюха, что жить в ней казалось просто опасно, ведь когда дует фён*, двери в хижине, и окна, и балки — все ходит ходуном и дрожмя дрожит. Если бы хижина стояла наверху, на пастбище, ее бы оттуда попросту сдуло.

Здесь жил Козий Петер, одиннадцатилетний мальчуган, который каждое утро являлся в Деревеньку за козами и гнал их вверх, на пастбище, чтобы они до самого вечера лакомились там горными травами. Затем Петер со своими легконогими козами спускался в Деревеньку и, свистнув в два пальца, ждал, куда хозяева разберут коз. Обычно за козами приходили мальчишки и девчонки, потому что козы — не страшные звери, и за все лето это была для Петера единственная возможность пообщаться с себе подобными. Обычно он общался только с козами.

Дома его ждала мама и слепая бабушка, но так как по утрам он уходил из дому ни свет ни заря, а возвращался из Деревеньки уже затемно, больно уж хотелось ему поболтать с деревенскими ребятишками, то дома он бывал ровно столько времени, сколько требуется, чтобы утром и вечером выпить молока с хлебом и завалиться спать. Его отец, которого тоже звали Козым Петером, поскольку в юности он тоже пас коз, лет пять назад погиб во время рубки леса. Его вдову, мать Петера, все звали Козьей Петершей, а слепую бабушку и стар и млад так и звали бабушкой.

Дета подождала минут десять, все озираясь по сторонам, не видно ли где детишек с козами. Но их нигде не было. Она поднялась еще немного выше, откуда лучше была видна округа, и вновь

* Фён — южный ветер в Альпах.

принялась в нетерпении озираться. Дети между тем шли по широкой боковой тропе. Петер хорошо знал, где его козочек ждут вкусные, сочные травы и кусты. Потому-то и вел он свое стадо окольными путями. Девочка сперва с трудом карабкалась за ним, ей было жарко и очень неудобно в своих теплых одежках. Она выбивалась из сил. Однако ни слова не говорила; только пристально смотрела то на Петера, который босиком, в легких штанах резво прыгал по камням, то на тонконогих коз, которые еще резвее скакали через кусты и камни и даже умудрялись взбираться по отвесным склонам. Потом вдруг девочка опустилась наземь, быстро скинула с ног тяжелые ботинки и чулки, вскочила, сорвала с себя толстый красный платок, расстегнула платье, мгновенно сняла его и точно так же поступила со вторым. Дело в том, что тетя Дета поверх ее обычной одежки напялила на племянницу и воскресное платье, чтобы не тащить его в руках. Теперь на девочке осталась только легкая нижняя юбка и рубашонка без рукавов. Девочка с наслаждением подставляла солнцу голые руки. Сложив снятые вещи в кучку, она вприпрыжку помчалась за козами, догнала Петера и пошла с ним рядом, словно закадычная подружка. Петер не видел, что делала девочка, когда отстала от него, но теперь, увидав ее уже в новом обличье, он весело рассмеялся. Оглянувшись, Петер увидел сложенные кучкой одежки. Лицо его расплылось в улыбке. Вот уж поистине рот до ушей, хоть тесемочки пришей.

Но он ни словечка не проронил. А девочка, чувствуя себя теперь легко и свободно, завела с ним разговор, и Петеру волей-неволей пришлось отвечать на множество ее вопросов. Девочке хо-

телось знать, сколько у него коз, куда он с ними идет и что он там будет делать. Так, за разговорами, дети наконец добрались до хижины Петера, где лицом к лицу столкнулись с тетей Детою. Но при виде этой парочки Дета всплеснула руками и запричитала:

— Боже праведный, Хайди, что ты наделала! Что за вид у тебя? Где твои платья, где платок? А ботинки? Я же тебе новые ботинки купила, горные, и чулки новые связала! А теперь все, все пропало! Да скажи же мне, Хайди, куда ты вещи подевала?

Девочка спокойно показала пальцем вниз:

— Вон они!

Тетка посмотрела вниз. И верно, там лежала какая-то кучка. И сверху красное пятно, должно быть платок.

— Ох ты, горе мое! — в сердцах крикнула Дета. — И что это тебе в голову взбрело раздеваться?

— А мне все это не нужно, — отвечала девочка. По ее виду нельзя было сказать, что она очень уж раскаивается.

— Ах ты, горемыка неразумная, видать, ты еще совсем ничего в жизни не понимаешь, да? — продолжала причитать тетка. — Да ведь туда спускаться добрых полчаса! Давай-ка, Петер, слетай туда мигом и принеси ее вещички, живей-живей, чего уставился? Да не стой ты как истукан!

— Я и так нынче припозднил, — медленно проговорил Петер и засунул руки в карманы.

— Нечего тут на меня глаза таращить! Ты, похоже, никуда бежать не собираешься, так? — напустилась на него Дета. — А вот и зря, тебе